

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ А.Н. ТОЛСТОГО

В статье рассматривается социально-философская и философско-антропологическая проблематика фантастических романов классика русско-советской литературы А.Н. Толстого, в которых скрыт мощный эвристический потенциал. Автор приходит к выводу, что в своих фантастических произведениях А.Н. Толстой средствами философского анализа предвидел многие судьбоносные проблемы как ушедшего XX века, так и современности.

Алексей Толстой (1883-1945), инженер-технолог по образованию, был всесторонне эрудированным человеком. Как талантливый писатель он обнаруживал в своих произведениях философские основания своего художественного мировоззрения. Его жизнь пришлось на бурную эпоху в истории России и Европы. Сам он прекрасно и подлинно философично рассуждал о своем отношении к действительности. Он писал: «Каждый писатель – конденсатор времени. Время летит со скоростью света (быть может, время и есть скорость света). То, что мы называем пространством или бытием, – есть наше восприятие времени. Мы, живущие мгновение на земле, хотим как можно дольше продлить это мгновение, развернуть его в перспективу пережитого, – это наша память. Память останавливает время, создает Историю. Если бы могли развить память, чтобы все ощущения оставляли след на ней, – мы жили бы вечность. Искусство выполняет работу памяти: оно выбирает из потока времени наиболее яркое, волнующее, значительное и запечатлевает его в кристаллах книг. Но искусство идет дальше. Оно стремится развернуть перспективу не только позади, но и впереди жизни, силится увлечь в будущее. В особенности это характерно для нашего времени. Весь пафос – в будущем. Перед искусством труднейшие задачи: проникать в туманную завесу грядущего и, приподнимая ее, показывать вероятное, безусловное, волнующее с той же силой, как прошлый или настоящий миг».

Фантастические романы Алексея Толстого, занимающие в его прозе значительное место, проникнуты огромной энергетикой действия. Колоритны герои его книг, ибо колоритна была сама эпоха. Время, в которое были созданы «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», было оптимистическим. Первая мировая война была позади, и хотя умные люди наподобие того же Толстого видели на европейском небосклоне первые всполохи новой всемирной бойни, хотелось все-таки надеяться на лучшее.

В нашей стране надеялись на то, что новый строй, пришедший в Россию, раскроет свой потенциал. Верилось, что все то темное и ужасное, свидетелями которого стали наши соотечественники в революцию, кануло в лету вместе с битвами Гражданской войны. Многим казалось – ужасная ночь миновала и солнце все-таки взошло. Верил в это и Толстой. В 1934 году он говорил: «Подождите – нам всего семнадцать лет...» А ведь именно в этот год Сталин окончательно наведет в молодой республике угодный ему порядок и покажет на XVII съезде, «съезде победителей», кому отныне принадлежит власть в партии, управляющей страной. Примечательно, что сложившаяся в стране ситуация превосходно обрисовывалась словами Гарина, вещающего о своем идеале общественного устройства: «Ни одна труба не задымит без моего приказа, ни один корабль не выйдет из гавани, ни один молоток не стукнет. Все принадлежит – вплоть до права дышать – центру. В центре – я. Мне принадлежит все» [1].

Алексей Толстой, да и большинство граждан молодой страны, искренне верил в то, что вскоре у Советской России будут свои Шекспиров, а Ленинград станет центром мировой науки. Неслучайно именно ученых из града Петра он показывает в «Аэлите» и «Гиперболоиде инженера Гарина». Столица бывшей Российской империи – предмет непреходящей любви писателя. Он всегда описывает Петербург поэтично и с щемящей душу нежностью. Например, в «Аэлите» инженер Лось, попав на Марс, вспоминает о любимом городе, видя мысленным взором «гранитную набережную, студеные синие волны Невы, ныряющую в них лодочку, повиснувшие в тумане длинные арки Николаевского моста, густые дымы заводов, дымы и тучи тусклого заката, мокрую улицу, вывеску мелочной лавки, старенького извозчика на углу». В романе «Гиперболоид инженера Гарина» Толстой поэтично описывает бывшую столицу Российской империи: «...город, затянутый вечерним туманом. Еще остался свет на куполе Исаакия, на золотых иглах

Адмиралтейства и Петропавловского собора. Казалось, этот шпиль, пронзающий небо, задуман был Петром как меч, грозящий на морском рубеже России» [2].

Первая редакция романа «Гиперболоид инженера Гарина» была создана в 1925 году. В произведениях фантастической литературы тех лет пересекались, как правило, три течения: научное, авантюрное и утопическое. Но именно в этом романе Толстого все эти три элемента пересекаются гармонично и в таком равновесии, которое свидетельствует о действительно высокой ценности произведения. Используемый авантюристом гиперболоид и реализованный им план добычи золота из земных недр более-менее соответствовали тогдашнему уровню знаний; роман был наполнен приключениями, погонями и убийствами, призванными заинтриговать интересующегося исключительно авантюрной стороной дела читателя; наконец, утопический элемент: окончательный захват Гариним власти над миром предотвращен в результате пролетарского бунта.

Роман «Гиперболоид инженера Гарина» литературоведы часто называют романом-памфлетом. Действительно, многое в нем выписано штрихами, набросками, с теми интонацией и стилем, которые присущи памфлетическому произведению. Забавен Василий Шельга – «красный Пинкертон» (сам термин придумал небезызвестный Н.И. Бухарин) во главе мировой революции. Штрихами выписаны опереточные злодеи Семенов и Тыклинский, американский толстосум Роллинг и «роковая женщина» Зоя Монроз. Но образ главного героя стал большой творческой удачей писателя.

Авантюрист от науки Гарин по-своему обаятелен. Он умен, отважен, неординарен. Даже Шельга, после того как его идейный противник спас его из морской пучины, вынужден признать, что ему «приятно, что Гарин вот так сидит перед ним и рассуждает о разных вещах». Он во многом позер. Чего стоят хотя бы такие его заявления: «Я, Петр Петрович Гарин, милостью сил, меня создавших, с моим мозгом, с неизжитыми страстями, от которых мне и самому тяжело и страшно, с моей жадностью и беспринципностью, противопоставляю себя человечеству» [3]. Невольно вспоминается Ницше и его прекрасные мечты о сверхчеловеке, «белокурой бестии».

Внешний облик Гарина, судя по описанию Толстого, ничем не отличается от характерного портрета русского инженера-интеллигента начала XX века: борода, усы... Описывает

Толстой Гарина скупой: «Небольшого роста человек, необычайно бледный, с острой темной бородкой, с темными глазами, обведенными тенью». Вряд ли писатель слышал в то время о ефрейторе Шикльгрубере, хотя первый том «Майн кампф» вышел в свет за год до появления романа «Гиперболоид инженера Гарина». Но все же на ум навязчиво лезет сравнение двух образов-портретов: челка и борода клинышком у Гарина и челка вкупе с усиками торчком у Гитлера.

То, что восхищало критиков в 60-70-е годы XX века, фактическое предвосхищение идеи лазера, – само по себе долгую жизнь роману вряд ли бы обеспечило. Роман издается гигантскими тиражами и в наши дни, следовательно, он до сих пор востребован. Но у Толстого, кроме технически убедительного сверхоружия, есть еще художественно убедительный сверхобраз – сам главный герой. Образ Гарина – гения, фигляра, проходимца, «люмпена» от науки выкристаллизовался в мозгу Толстого не сразу и долго шлифовался.

Из романа так и не ясно, кому принадлежит пальма первенства в изобретении гиперболоида – самому Гарину или геологу Николаю Манцеву. Манцев обвиняет Гарина в том, что тот украл его основные идеи. Но Манцев – такой же, в сущности, авантюрист, как и Гарин. Он сам признается: «Я погибший человек, у меня слишком необузданные желания». Все же Манцев вызывает сочувствие у читателя, и сам Толстой как автор относится к этому герою с симпатией.

Отметим, что проблема авторства научного открытия вообще необычайно сложна. Недаром говорят, что идеи носятся в воздухе. Когда наступает время для того или иного открытия, оно обычно осуществляется не одним, а несколькими учеными, работающими над данной проблемой. Радио изобрели русский Попов и итальянец Маркони; периодическую систему химических элементов практически одновременно создали наш Менделеев и немец Мейер; лазер в начале 60-х годов XX века построили не только советские ученые Басов и Прохоров, но и группа американских исследователей.

Скажем несколько слов о крепкой научной основе, на которой построена фабула романа. Сам аппарат придуман инженером Толстым именно потому, что идея теплового луча уже давно бередила умы ученых и писателей. Герберт Уэллс еще в 1899 году в романе «Война миров» снабдил своих марсиан, прибывающих

на нашу планету, тепловым лучом. В романе упоминается о «лучах смерти» Риндель-Мэтьюза, которые хоть и «оказались чистейшим вздором», но сам их принцип, по словам ученого Хлынова, верен. «Тепловые лучи температуры тысячи градусов, посланные параллельно, – чудовищное орудие для разрушения и военной обороны. Весь секрет в том, чтобы послать нерассеивающийся луч», – такие слова Толстой вкладывает в уста своего героя. Интересно, что такой аппарат, по словам самого писателя, был в действительности создан в то время неким русским инженером, который погиб в Сибири в 1918 году. Эту историю рассказал Алексею Толстому его старый знакомый Оленин. Правда это или нет, мы не знаем, но факт остается фактом – идеей создания лучевого оружия были одержимы в то время многие ученые головы.

Обратимся теперь к тем социально-философским проблемам, которые затронул Толстой на страницах своего романа. Гарин не скрывает своих целей и разворачивает свой проект светлого будущего, который Шельга обозначает как «фашистский утопизм». В романе недаром упоминается «фашизм» и его лидер Бенито Муссолини. Писатель не мог не знать, что в 1925 году Муссолини разогнал все оппозиционные, нефашистские партии в Италии. Правда, Гарин презрительно называет лидера фашистов «щенком», но некоторые черты дуче Толстой вложил и в своего героя. Хотя если говорить о чисто внешнем сходстве, то на ум, как мы уже отмечали, приходит другой «великий диктатор» – лидер германского национал-социализма Адольф Гитлер.

В рассуждениях Гарина можно увидеть генетические черты многих антиутопий, начиная от Платона и заканчивая Оруэллом и Хаксли. Гарин стремится к «золотому веку», который понимается им весьма своеобразно. Человечество должно подвергнуться массовой ревизии, и право на существование после такой ревизии получают не все. Земля будет очищена от лишнего населения, оставшееся человечество – поделено на касты. Предназначенным для физического труда будет проведена мозговая кастрация, превращающая людей в послушных скотов, в «трудовиков». Занимаются творчеством и предаются наслаждениям патриции. Для них Гарин планирует установить «особый режим, чтобы они не вырождались в алкоголиков и импотентов». Гарин мечтает о том, что возникнет «красивая и утонченная раса», у которой будут новые органы мышления и чувств.

В этих идеях нет ничего нового. Новым было то, что подобные идеи высказывает именно ученый. Правда, до Толстого образ ученого-империалиста Шульца вывел Жюль Верн в романе «Пятьсот миллионов Бегумы», но черты героя Верна так и просились в традиционный во Франции антинемецкий памфлет. Но Гарин и не «чокнутый профессор» из англо-американской литературы ужасов. Его образ более реалистичен. Толстой угадал появление «организаторов науки», всех этих оппенгеймеров и теллеров, преступное честолюбие которых было отнюдь не последней причиной в жутких преступлениях против человечества. Тот же Оппенгеймер настаивал именно на атомной бомбардировке городов, протестуя против демонстрации силы на каком-нибудь острове неподалеку от Японии, ибо эта «излишняя гуманность» могла нарушить «чистоту эксперимента».

Ученые во все времена мало задумывались над последствиями своих открытий, над результатами их практической реализации. Их побудительным мотивом выступало исключительно любопытство, а дальнейшей судьбой открытия распоряжались чаще всего люди, не имевшие к нему никакого отношения. Но в XX столетии все чаще стали появляться именно ученые-дельцы, ученые-практики, которые сами стремились получить непосредственную выгоду из сделанных ими открытий. Талант и деловая хватка все чаще сосуществуют в одном человеке.

Увы, гений и злодейство – вполне совместимы. И доказательство тому – вся новейшая история человечества. Во времена создания романа перед мысленным взором Толстого мог стоять талантливый итальянский поэт, любимец литературных салонов Габриэле д'Аннунцио, не просто «лирою воспевший» режим Муссолини, но и **лично** принимавший участие в расстрелах. Заметим на полях, что и наш любимец детворы, несомненно талантливый Аркадий Гайдар не гнушался принимать участие в зверских пытках, самозабвенно загоня врагам Советской страны иголки под ногти...

Чума коричневая и чума красная поражали с одинаковым успехом как простолюдинов, так и утонченных интеллектуалов. Как выяснилось, общая гуманитарная культура не всегда служила противоядием от страшных недугов, поражавших людские души. Недуги эти легко поражали как интеллектуалов-гуманитариев, так и узкопрагматичных «технарей». Впрочем, в середине 20-х годов миру еще неведома была

драма «атомных физиков». И еще не пал несмыслаемый позор на вчерашних литературных кумиров – нобелевского лауреата Кнута Гамсуна, запятнавшего себя сотрудничеством с фашистами, и американского поэта Джона Дос Пассоса, поддержавшего публично новый порядок «белокурых бестий». И не прославил еще «буревестник революции» Горький рабский труд на Беломоро-Балтийском канале. Да и сам Алексей Толстой еще не предал многих своих друзей, попавших в мясорубку сталинских чисток. Все это еще впереди...

Еще одно проклятие XX века Толстой предвидел уже в 20-х годах – овладение учеными тайной атомного ядра. Инженер Хлынов с оптимизмом рассуждает: «Мы подбираемся к самому сердцу атома, к его ядру. В нем секрет власти над материей. Будущее человечества зависит от того, сможем ли мы овладеть ядром атома, частичкой материальной энергии, величиной в одну стобиллионную сантиметра». Будущее человечества сегодня действительно зависит от атомной энергии, которой порой свойственно выходить из-под контроля людей. Бездумное же применение человеком атомного оружия для уничтожения своих собратьев вообще может привести людской род и саму планету Земля к гибели, к ядерному апокалипсису.

Наверное, это врожденное свойство человека – использовать любое техническое новшество для создания орудий для уничтожения себе подобных. Поэтому сначала и создается атомная бомба, а уже потом – реактор; вначале строится лазерная пушка, и лишь позже луч оптического квантового генератора находит применение в медицине, астрономии и при создании бытовой техники. Наверное, наш далекий обезьяноподобный предок, взяв в руки палку-копалку и повертев ее в руке, сначала бабахнул ею по голове ничего не подозревающего собрата, а уже потом этой палкой выкопал яму и похоронил убиенного. В общем, как говорил Ницше, это «человеческое, слишком человеческое». Все это, конечно, грустно.

Сейчас эти врожденные свойства человека поставили мир на самый край страшной пропасти. Пророчески воспринимаются сегодня страницы романа, повествующие о хищническом отношении к природе, о нахраписто-жутком, но в то же время нереализуемом стремлении подчинить себе законы природы. В 20-е годы начало зарождаться то хищническое отношение в окружающей среде, которое нашло свое воплощение в знаменитом лозунге Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от при-

роды; взять их у нее – наша задача». Такое отношение стало постепенно сходить на нет лишь в 70-е годы ушедшего века. К слову, немалую роль в пробуждении экологического сознания сыграла именно фантастика предупреждения.

Алексей Толстой во многом предвидел грядущую гегемонию США на нашей планете. Пророчески воспринимаются сегодня страницы романа, на которых он изображает «жирненьких молодчиков, коротеньких ростом, с волосатыми пальцами в перстнях, с воспаленными щеками, трудно поддающимися бритве». Невольно на ум приходят ассоциации с нашей страной, которая с начала 90-х годов XX века отдана на откуп похожим «жирненьким молодчикам», всем этим березовским и гусинским.

Европа после Первой мировой войны переживала настоящее нашествие американских нуворишей, за деньги готовых продать родную мать и собирающихся «по дешевке скупить весь добрый старый мир». То время было во многом созвучно нашему. Героические времена европейской истории заканчивались, Освальд Шпенглер недаром говорил о «закате Европы». Американцы проникали всюду, принося с собой власть чистогана и культ золотого тельца. Недаром Гарин начинает искушать мир золотом, килограмм которого стоит лишь два с половиной доллара, именно с Америки, направляя в американские порты корабли, груженные своим товаром. Более того, он обращается под защиту простых граждан Америки, демагогически апеллируя к святому для американских сердец лозунгу «свободы торговли». И он завоевал американские сердца. Он был избран диктатором с неограниченными полномочиями. Прагматичные американцы, далекие от страданий европейских патриотов-«вертеров», рассуждали при этом: «Хочет быть диктатором? Пожалуйста, если ты самый богатый человек на свете. В конце концов, нам и самим этот демократический строй надоел хуже маргарина».

Как известно, Гарин, получив неограниченную власть в США, все же теряет ее в результате вспыхнувшей революции, а все его грандиозные планы заканчиваются на коралловом рифе, где он оказывается вместе со своей возлюбленной в результате кораблекрушения. Ему ничего не остается делать, как, «уткнувшись носом в песок и прикрывшись истлевшим пиджачком», переживать во сне разные занимательные истории.

Вот такая фантазия на историческую тему получилась у А.Н. Толстого. Будущее, описанное на страницах его замечательного романа,

так и осталось альтернативным. Хотя большинство ужасов, которые ожидали человечество на дорогах истории в XX веке, Толстой предвидел. В романе превосходно описана вещная, грубоватая реальность Европы на перевале между двумя мировыми войнами, хотя сам роман и представляет собой по жанру упругий и динамичный политический детектив.

«Гиперболоид инженера Гарина» дважды был экранизирован. Первый раз – режиссером А. Гинцбургом, сделавшим добротный кинематографический пересказ произведения, адаптировав его для детского и юношеского восприятия. Фильм вышел в 1964 году. Роль Гарина блестяще сыграл Евгений Евстигнеев. Ровно через 10 лет Леонид Квинихидзе, который как режиссер вообще отличается вольным обращением с первоисточниками, поставил сериал «Крах инженера Гарина» по мотивам романа. Олег Борисов, сыгравший главную роль, сделал Гарина более привлекательным и человечным. Квинихидзе не делает из главного героя преступника нищезанского толка. Он показывает драму авантюриста-одиночки, которому нет дела до остального человечества. Гарину нужно богатство ради власти, но в этом его стремлении нет ничего патологического. В отличие от романа Гарин у Квинихидзе не развивает античеловеческие идеи. И он, и Шельга гибнут, защищая аппарат от фашиствующих немецких экстремистов, в которых угадываются черты национал-социалистов Гитлера. Сюжет развит более реалистично. По сути дела, в фильме показано, что могло бы произойти, если бы подобный аппарат действительно появился в то время.

Совершенно иначе сложилась кинематографическая судьба фантастического романа Толстого «Аэлита», написанного еще в эмиграции. После ранней экспериментальной ленты Якова Протазанова, сделанной в 1924 году, никто из последующих режиссеров не смог «пробить» разрешение на экранизацию классики советской фантастики. Тому много причин. Роман «Аэлита» вообще кардинально отличается от романа «Гиперболоид инженера Гарина».

Если авантюра инженера Гарина вполне могла иметь место в тогдашней Европе, а сами события романа описаны реалистическим языком, то в «Аэлите» господствует зыбкая, призрачная марсианская экзотика. И хотя в «Гиперболоиде инженера Гарина» тоже маячат красные колесницы мировой революции, в «Аэлите» красноармеец Гусев непосредственно затевает межпланетный «экспорт революций».

Все это не могло не вызывать большой головной боли у идеологического начальства.

Протазанов сам побывал в эмиграции и, вернувшись на Родину, увидел в произведении Толстого многообещающий материал. Его фильм сделан в лучших традициях немецкого экспрессионизма и схож с такими шедеврами, как «Кабинет доктора Калигари» и «Носферату, симфония ужаса», снятым Фридрихом Вильгельмом Мурнау по великому роману Брэма Стокера «Дракула». В «Аэлите» Протазанова много экспрессии, герои находятся в вечном движении. Роковые красавицы в стиле 20-х годов, с огромными томными глазами и мужиковатыми фигурами, наполняют как Землю, так и Марс. Протазанов смешал и осмелел в своей картине все: страдания интеллигенции, хамство бюрократов, тупость новых властей. Недаром сам Алексей Толстой всячески открещивался от этого фильма, сделанного по его произведению.

Роман был написан еще за границей, в то время, когда Толстой уже задумывался о возвращении на Родину. Тоска по России наложила отпечаток и на некоторые сцены «Аэлиты». Толстому, скорее всего, смертельно надоела Европа. Недаром он так рассуждает об «искорках в русских глазах»: «Отсутствие в их глазах определенности, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства – крайне болезненно действуют на европейского человека».

А.М. Горький положительно отозвался о романе: «Хотя гр. А.Н. Толстой инженер по образованию, но он свел в романе технику к необходимому минимуму, и вся книга написана под влиянием увлечения догадками об Атлантиде... и вполне отвечает жажде читателя к темам не бытовым, к роману сенсационному, авантюрному. Написана «Аэлита» хорошо и, я уверен, будет иметь успех».

Но в 1920-е Горький, как ни странно, оказался едва ли не единственным, кто положительно отозвался об «Аэлите». Отзывы Юрия Тынянова и Бориса Шкловского были куда как сдержаннее. Даже Корней Чуковский сердито писал: «...любой третьестепенный Райдер Хаггард гораздо ловчее обработал бы весь этот марсианский сюжет... Куда нам, писателям технически отсталого народа, сочинять романы о машинах и полетах на другие планеты!» Вечно брюзжащий Иван Бунин и вовсе обвинил Алексея Николаевича в пристрастии к бульварной литературе.

Но если судить объективно, «Аэлита» написана помимо того, что занимательно, еще и очень

сочно, «вкусно», живописно, густыми толстовскими красками, с подлинным мастерством. С самого начала Алексей Николаевич задал для наших фантастов столь высокую планку, что преодолеть ее смогли разве что братья Стругацкие, в лучших своих вещах творчески воспринявшие опыт Толстого и во многом благодаря ему выработавшие собственный стиль.

В целом судьба романа сложилась счастливо. Это один из краеугольных камней отечественной фантастики. Именем Аэлиты в нашей стране называли новорожденных девочек, молодежные кафе, вокально-инструментальные ансамбли, портативные магнитолы. Первая в России премия за вклад в научную фантастику тоже называется «Аэлита». Она сделана из уральских самоцветов и вручается с 1981.

Первый вариант «Аэлиты» вышел в 1923 и имел подзаголовок «Закат Марса». Роман, проникнутый глубокой чувственностью, изначально не был рассчитан на подростков. В 1937 Толстой переработал его для Детгиза, и в таком, гораздо более невинном виде «Аэлита» издается по сей день. Сюжет романа авантюрен и разворачивается стремительно: инженер Лось и красноармеец Гусев решают отправиться на Марс в изобретенном для межзвездных перелетов особом аппарате яйцевидной формы. Техническая сторона вопроса была разработана Толстым скрупулезно, но все же идея Лося – чистая фантастика, в отличие от тех принципов, в соответствии с которыми был построен аппарат Гарина. Не существует и никогда не было в природе ультралиддита – «тончайшего порошка, необычайной силы взрывчатого вещества, найденного в лаборатории ...нского завода в Петрограде». Запасы порошка ограничены, следовательно, экспериментировать с межзвездными полетами в дальнейшем будет невозможно. Сам полет – уникальное разовое предприятие, повторить которое удастся в будущем не скоро.

Попутчиков для полета на Марс Лосю удастся найти не сразу. Даже разбитной американский журналист, увидя объявление с приглашением принять участие в полете, щупает у себя пульс, не веря своим глазам. Поэтому красноармеец Гусев, которому становится скучно на родине после того как отгрохотали сражения Гражданской, становится для Лося настоящей находкой. Такие Гусевы были типичны в то сумасшедшее время. Они сожалеют лишь о том, что «войны сейчас никакой нет, – не предвидится». Столь непохожие Лось и Гусев вдвоем совершают это головокружительное путешествие. На Марсе Лось встречает Любовь (имя его воз-

любленной переводится с марсианского как «видимый в последний раз свет звезды»), а Гусев с головой окунается в реализацию идей мировой революции.

Но со временем вдумчивый читатель начал понимать, что в небольшой по размеру книге скрыты идеи, непреходящее значение которых трудно переоценить. Этот роман Толстого с вообщем-то незатейливой фабулой содержит в себе мощный мистико-философский пласт.

Надо отметить, что «красный граф» в этом романе не без иронии описывает советскую действительность. Ирония эта по большей части добродушна и напоминает отношение умудренных годами взрослых дядь к детям, копошащимся на ковре в ползунках. В 1922 году Толстой еще не подозревал, в какого монстра вырастет «советское дитя». Он искренне тосковал по России и надеялся, что все беды и тяготы остались позади. Он пишет: «Времена теперь были иные: поэтов восхищали не вьюжные бури, не звезды, не безоблачные страны, – но стук молотов по всей стране, шипение пил, шорох серпов, свист кос, – веселые земные песни».

В «Аэлите» Толстой излагает мировоззренческие идеи, которые были общеприняты в то время и соответствовали тому уровню знаний. Лось и Гусев полетели на Марс потому, что именно с «красной планеты» люди стали принимать таинственные сигналы, похожие на «азбучные». Лось делает вывод: «Трудно предположить, что радиостанции на Марсе построены чудовищами, существами, не похожими на нас. Марс и Земля – два крошечных шарика, кружащиеся рядом. Одни законы для нас и для них. Во вселенной носится пыль жизни. Одни и те же споры оседают на Марс и на Землю, на все мириады остывающих звезд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное, более совершенное, чем человек».

Впоследствии эти размышления почти дословно повторит в своих произведениях выдающийся советский фантаст И.А. Ефремов, отличавшийся поистине вселенским антропоцентризмом. Писатель считал, что цивилизация, способная строить межзвездные корабли, в принципе не может быть агрессивной. Нужно отметить, что отношение к инопланетянам в советской фантастике было вообще более осторожным, чем в западной. В рамках догм пролетарского интернационализма «чужие» могли оказаться попутчиками в деле построения бесклассового общества. Тогда внешний вид пришельцев и их схожесть с человеком не играли

никакой роли: хоть ящерицы, хоть муравьи, – лишь бы тоже строили коммунизм. Толстой описывает историю межпланетной любви, а вот Николай Муханов в романе «Пылающие бездны» (1924) живописует войну между Землей и Марсом с применением лучевого оружия. Тогда государственная идеология еще не устоялась, поэтому в романе автор дал волю своей фантазии. После победы землян, которые замедлили вращение вражеской планеты с помощью космического тормоза (!), между бывшими противниками возникают коммерческие отношения, основанные... на смешанных браках. Если же припомнить и ранний роман главного теоретика Пролеткульта талантливого Александра Богданова «Красная звезда» (1908), пропагандирующий «свободную любовь» по-марсиански, то можно констатировать, что в данном вопросе русские намного опередили заокеанских коллег.

Экспорт революции, неудачно проведенный Гусевым на Марсе, довольно любопытен. Красноармеец-авантюрист мечтает добиться от марсиан, чтобы они выдали ему «бумагу о желании вступить в состав Российской федеративной республики». Гусев понимает, что «спокойно эту бумагу не дадут», но его утешает мысль, что «на Марсе у них не все в порядке», а значит, там возникла революционная ситуация, которой большевику не грех воспользоваться. Лось и не мечтает ни о какой революции, он – типичный ученый. Сам он говорит Гусеву: «Мне не приходило в голову – для чего я лечу на Марс. Лечу, чтобы прилететь. Нам предстоит заглянуть в новый мир, – какие сокровища! Мудрость, мудрость – вот что, Алексей Иванович, нужно вывезти на нашем корабле».

«Аэлита» – не первый фантастический роман, затрагивающий вечно притягательную тему Атлантиды, но, без сомнения, один из самых интересных и талантливых. Все-таки насколько велик авторитет Платона, рассказавшего человечеству эту легенду! Ему до сих пор верят, а исчезнувший материк искали, ищут и будут искать. Великий философ упомянул об Атлантиде в диалоге «Тимей», пообещав подробнее рассказать о ней в отдельном сочинении. Но обещание свое он выполнил не полностью. Посвященный описанию исчезнувшего материка диалог «Критий» так и остался незавершенным. Именно полтора десятка страниц «Крития» породили необъятную литературу, в том числе и фантастическую.

Да и сам диалог «Критий» может рассматриваться как одно из первых фантастических

произведений. Платон этим произведением преследовал конкретную цель – популяризацию своей утопической идеи идеального государства. Сюжет диалога – столкновение крупного государства с меньшим «идеальным» и победа последнего – был призван доказать правоту взглядов философа. Финал – гибель обоих государств – служил иллюзии достоверности. Этот прием стал впоследствии в фантастике обычным.

Описывая прекрасную затонувшую страну, Платон рассчитывал поразить воображение современников, и это ему удалось в полной мере. Древняя цивилизация, не имеющая себе равных по уровню развития и накопленным богатствам, описана настолько достоверно, что невольно завораживает читателя.

Алексей Толстой, разумеется, читал не только Платона, но и имевшуюся в то время литературу об Атлантиде. Оригинальность его романа не в том, что атланты находят спасение на Марсе, совершив бегство с гибнущего материка на красную планету. Эта идея уже была проэксплуатирована ранее в нескольких фантастических романах. Достаточно вспомнить того же Эдгара Райза Берроуза. Оригинальны и необычны другие пласты «Аэлиты».

Аэлита рассказывает прибывшим с Земли путешественникам историю Марса. В главе «Первый рассказ Аэлиты» Толстой повествует об учении «необыкновенного шохо» – пророка, напоминающего Заратустру Фридриха Ницше. Сам стиль и манера изложения позволяют предположить, что рассказ о шохо и связанных с прибытием атлантов событиях написан под влиянием философской поэмы Ницше. В учении «необыкновенного шохо» можно найти манихео-альбигойские истоки. Пастух-пророк вещает: «Только зло притягивает зло. Удали от себя все сродное злу. Закопай свое несовершенство под порогом хижины. Иди к великому гейзеру Соам и омойся».

Атланты учили: «Истинный мир – невидим, неосознаем, неслышим, не имеет вкуса и запаха. Истинный мир есть движение разума. Начальная и конечная цель этого движения непостижима. Разум есть материя более твердая, чем камень, и более быстрая, чем свет. Ища покоя, как и всякая материя, разум впадает в некоторый сон, то есть становится более замедленным, что называется – воплощением разума в вещество. На степени глубины сна разум воплощается в огонь, в воздух, в воду, в землю. Из этих четырех стихий образуется видимый мир. {...} Человек есть владыка мира. Ему подчинены стихии и движение. Он управ-

ляет ими силой, исходящей из его разума, подобно тому, как луч света исходит из отверстия глиняного сосуда».

Огромную роль в романе играют рассуждения самого автора и его героев о любви. Любовь – космическая потенция, порождающая жизнь и не дающая ей угаснуть. Алексей Толстой сам всю жизнь был изрядным ловеласом. Однажды он даже увел невесту у собственного сына. Поэтому, как мы уже отмечали, в «Аэлите», особенно в первоначальном варианте романа, уделено много места не только любовным коллизиям, но и подлинно философским рассуждениям о любви. «Никогда еще Лось с такой ясностью не чувствовал безнадежной жажды любви, никогда еще так ясно не понимал этого обмана любви, страшной подмены самого себя – женщиной: проклятие мужского существа. Раскрыть объятия, распахнуть руки от звезды до звезды, – ждать, принять женщину. И она возьмет все и будет жить».

Не только Лось, потерявший на Земле жену, обретает на Марсе утешение в любви. Красноармеец Гусев, жена которого жива-здоровая, не теряет времени даром и забавляется со «смешливой, смугло-синеватой, полненькой» Ихой, которую зовет на русский лад Ихощкой.

С.Л. Слободнюк приходит к выводу, что «Аэлита» является «последним произведением «чистой» «гностики-сатанинской» литературы, что в какой-то мере и объясняет эсхатологическую составляющую «Аэлиты» [4].

Толстой дал роману подзаголовок «Закат Марса». Без сомнения, он читал Освальда Шпенглера и был под влиянием его идей. Сейчас вдумчивый читатель не может не вспомнить о «закате России». Некоторые эпизоды романа дают богатую пищу для размышлений нам, жителям агонизирующей страны, вот уже два десятка лет терзаемой разнообразными преступниками-реформаторами. Марс у Толстого – умирающая планета, поэтому многое совершается там по принципу «После нас – хоть потоп». В агонизирующем обществе царит настоящий рай для разнообразных пророков, колдунов и гадалок. Люди цепляются за любую возможность хоть как-то изменить жизнь к лучше-

му. Процветают разнообразные лотереи. Их рассказывает Гусеву об одной из них: «Они вертят цифровые колеса. Они угадывают цифры. Сегодня каждый может загадать число, – тот, кто отгадает, навсегда освобождается от работы. Высший совет дарит ему прекрасный дом, поле и крылатую лодку. Это огромное счастье – угадать».

Действительно, когда в обществе нет возможности заработать себе на достойную жизнь честным путем, остается одно – угадывать в лотерею в тщетной надежде разбогатеть. Как все это нам, современным русским, знакомо! Как устали мы от телеведущих, которые на разнообразных «полях чудес» обманывают русских буратино, готовых продать последнюю рубашку, чтобы поучаствовать в заветной лотерее!

Гусев с интересом наблюдает за улицами марсианского города и видит: «В городе шла двойная жизнь. По богатым улицам, в парках – повсюду шаталось большое количество неряшливо одетых, испитых молодых марсиан». Города Марса обречены, как и вся планета. Тускуб, глава Высшего совета прямо говорит: «История Марса окончена. Жизнь вымирает на нашей планете. Вы знаете статистику рождаемости и смерти. Пройдет несколько столетий – и последний марсианин застывающим взглядом в последний раз проводит закат солнца. Мы бессильны остановить вымирание». Увы, эти слова можно приложить и к описанию ситуации в современной России.

Большое видится на расстоянии, и многие философские и мировоззренческие идеи фантастических романов Алексея Толстого мы начинаем постигать лишь в наши дни. Человеку в любом возрасте небесполезно обратиться к этим романам. В детские и молодые годы увлеченно следишь за приключенческими коллизиями, а в зрелые годы с интересом находишь в своей душе созвучие с философскими проблемами, которые поставил Толстой, и поражаешься его писательскому мастерству. Фантастические романы Алексея Толстого не только вошли в сокровищницу русской литературы, но и во многом обогатили проблемное поле отечественной философии.

Список использованной литературы:

1. Толстой А.Н. Аэлита; Гиперболоид инженера Гарина. М., 1986. С. 347.
2. Толстой А.Н. Аэлита; Гиперболоид инженера Гарина. М., 1986. С. 351.
3. Толстой А.Н. Аэлита; Гиперболоид инженера Гарина. М., 1986. С. 302.
4. Слободнюк С.Л. Архетипы гностицизма в философии русского литературного модернизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 1999. С. 26.